

СООБЩЕНИЕ

АННА ШАТАЛОВА

Анна Шаталова

Сообщение

«Автор»

2026

Шаталова А.

Сообщение / А. Шаталова — «Автор», 2026

Мы — лишь аватары в чужой игре. Правила скрыты, а мир за пределами наших чувств — холодная цифровая бездна. Потеряв всё, герой отправляется на поиски жены в иные реальности, чтобы обнаружить: заговор против человечества масштабнее, чем сама смерть. Интеллектуальный научно-фантастический роман-антиутопия с элементами киберпанка и философской драмы.

© Шаталова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сообщение

Глава 1

Климат-контроль в спальне был настроен на режим «идеальный сон», что на практике означало атмосферу настолько стерильную, что даже микробы дохли от скуки. Муж лежал рядом, транслируя в пространство альфа-волны высшей пробы. Он был Гражданином с большой буквы — из тех парней, что переводят через дорогу кибер-старушек и никогда не забывают обновлять лицензию на дыхание. Его доброта была похожа на толстый слой высококачественного тефлона: к нему не прилипало ни одно обвинение, ни один упрёк.

— Прости, дорогая, это была моя ошибка, — говорил он каждый раз, когда она пыталась устроить скандал. И это его «прости» бесило её больше, чем прямой выстрел из бластера в упор.

На запястье Анны коротко пискнул браслет связи. Голографическое окошко выплюнуло сообщение: «Двигатели прогреты. Жду. Чмок».

Она посмотрела на мужа. Благоверный был как новенький планетоход из салона — надёжный, блестящий и абсолютно предсказуемый. Он даже храпел по ГОСТу. Анна вспомнила любовника. Этот был полной противоположностью: вечно небритый, с запахом дешевого синтетоплива и радиационными шрамами, которые он получил, удирая от патрулей на какой-то богом забытой планете-свалке.

Этот сердцеед не знал слова «компромисс». Когда неделю назад она довела его своими капризами, он не стал читать лекцию о «взаимопонимании в паре». Он просто взорвался и отвесил ей такую затрещину, что в глазах заплясали сверхновые.

И в этот момент — клянусь всеми кольцами Сатурна! — она впервые почувствовала себя не деталью интерьера, а живым существом. В мире, где всё было отфильтровано, упаковано в пластик и одобрено министерством гигиены, этот удар был самой честной вещью, которую она видела за последние десять лет. Это был чистый, неразбавленный первобытный хаос.

«Муженёк — отличный парень, — подумала она, натягивая магнитные ботинки, — но жизнь с ним похожа на бесконечный просмотр инструкции к пылесосу».

Она перепроверила заряд в своем маленьком дамском лазере, подмигнула спящему простофиле и шагнула к окну, где уже завис на маневровых двигателях потрепанный катер уха-жёра. Впереди была грязь, опасность и чертовски плохая компания.

То есть именно то, ради чего стоило проснуться...

— Милая, ты чего не спишь?

Голос мужа прозвучал как резкий удар хлыста по натянутому шелку. Анна вздрогнула — не от испуга, но от болезненного осознания того, как грубо была разорвана ткань её грез.

— Выпью воды и лягу. Жажда замучила, — нервно ответила она, стараясь скрыть дрожь в голосе.

Её безумно раздражало это бесцеремонное возвращение к реальности, эта приземленная забота, которая удерживала её, словно невидимые путы. Она стояла в кухонной зоне, сжимая в руке стакан, холодный и прозрачный, как её собственная решимость. Поток света от кухонного светильника безжалостно бил в сонное лицо мужа, обнажая черты человека, который имел мало власти над ней, пока бодрствовал, и был совершенно бессилён, когда спал. Он отвернулся, натягивая одеяло на голову, словно пытаясь отгородиться от той невидимой силы, что уже тянула её прочь. Его невнятный ропот вскоре сменился мерным, тяжелым дыханием. Он снова был во власти сна.

Анна погасила свет. Тьма обняла её, возвращая ей право на тайну. Она замерла, вслушиваясь в тишину, пока не убедилась, что препятствие устранено.

На прикроватной тумбочке, подобно алтарному огню, вспыхнул экран смартфона. Короткая фраза, лишённая украшений, но полная предвкушения: «Буду через пять минут».

Она не колебалась. Сбросив тонкую кружевную ночнушку — эту униформу покорной жены, — она быстро облачилась в короткое облегающее платье, готовясь к встрече со своей желанной участью. Дверь квартиры закрылась за ней без единого звука, словно поцелуй на прощание. Она уходила туда, где музыка её души наконец найдет своего дирижера.

В каюте царил полумрак, разбавляемый лишь миганием индикаторов на приборной панели. Он стоял у пульта как чертов адмирал перед решающим залпом. Дирижер хаоса. Она — его главная тайна, пока еще играющая роль «невинного пассажира».

Но он считал её взгляд, как шифровку из Центра. Одно мгновение — и протокол принят. Он шагнул к ней, заряженный энергией, как плазменный реактор перед перегрузкой. Где-то в вентиляции что-то размеренно шуршало, задавая ритм: «Давай, давай!»

Первый контакт — и это было покруче, чем стыковка на ручном управлении. Губы встретились, как две идеально подогнанные детали. Его рука легла ей на талию, и сердце в груди у неё застучало как мощный движок внутреннего сгорания.

Его пальцы работали, как у опытного взломщика сейфов. Шея, плечи, грудь — он объединил всё это в одну технологическую цепочку. Ласки сыпались градом, как россыпь гильз после хорошей заварушки.

Она выгибалась, как корпус флагманского крейсера при крутом маневре. Его рука скользила по её спине — четко, жестко, как по грифу электровиолончели, выбивая дикое пиццикато на её нервах.

— Черт возьми, — выдохнул он.

Она была в огне, ярче, чем хвост кометы.

А потом темп взлетел до небес. В эту симфонию включились тяжелые басы, как рев стартовых двигателей. Рассудок летел к чертям, разрываясь на куски стаккато. Это был чистый адреналин, танец двух профессионалов на краю сверхновой.

Ритмичней! Да! Еще быстрее, до упора! Он выжимал из этой ситуации всё, на что способен человеческий организм. Пальцы рвали невидимые струны пространства, крик заполнил каюту, и финальная вибрация прошла через них, как электрошок.

Чаша была пуста. Тональность сменилась на мягкое гудение остывающих механизмов. В этой глубине и истоме был лишь один вопрос:

— Эй, крошка, может, заправимся и повторим этот этюд по новой?..

— Когда ты от него уйдёшь?

Слова любовника повисли в тяжелом, сизом воздухе, словно ещё одна струя дыма, медленно поднимающаяся к желтому, прокопченному потолку съёмной квартиры. Они лежали неподвижно, скованные наготой и теснотой чужой постели.

Анна молчала. Она искала ответ в серой пустоте над собой, возвращаясь в те дни, когда мир для неё сузился до размеров одной комнаты и белой стены, в которую она смотрела неделями. Тогда, в сумерках своей долгой меланхолии, она грезилась лишь об одном: о сладком и полном исчезновении. Ей хотелось не просто любви, но обладания столь абсолютного, чтобы её собственная воля была стёрта властной рукой сильного мужчины. Она искала господина, который спас бы её от бремени свободы, подчинив себе её страстный, изнуряющий нрав.

Появление Лебеда было подобно внезапному удару. С первой секунды она узнала в нём ту силу, которой мечтала принадлежать. Это было не узнавание души, а узнавание плоти, ищущей своих оков. С восторгом неофитки она сама выстроила алтарь своей зависимости: пере-

везла вещи на второй день, сама предложила ему союз и сама же оплатила обряд, закрепивший её статус. Тогда ей казалось, что в этой добровольной сдаче она наконец обрела свой истинный дом — тихую гавань, где её право на существование подтверждалось его присутствием.

Горло сдавило горьким спазмом. Слезы, которые она не позволила себе пролить, жгли глаза. Как случилось, что эта величественная архитектура страсти обратилась в прах? Вместо священного трепета и священного подчинения в их доме воцарилось самое страшное из унижений — обыденность. Героический миф о господине и рабыне разбился о серую скуку завтраков и тишину, лишённую смысла.

— Что с тобой, крошка? — Голос любовника был слишком мягким, слишком незванным.

Анна медленно села, чувствуя, как холодный воздух касается её плеч.

— Мне надо домой, — ответила она.

Она уходила не к мужу, но к призраку той невыносимой преданности, которую когда-то себе пообещала.

Уже добрых два часа Анна терялась в равнодушном пространстве огромного парка. Домой её ничто не влекло: задержись она на час или не вернись совсем — земля не разверзнется. Ей прощалось всё — и опоздания, и исчезновения — и в этой безнаказанности она чувствовала тонкую месть: муж знал, что отсутствие границ лишает её опоры. Оставаться у любовника было столь же невыносимо. Ей требовалась тишина, чтобы взвесить тяжесть своей свободы. Солнце уже вовсю ласкало кроны деревьев, но в тени аллей ещё таился ночной холод. Анна зябла, но не осознавала этого, погружённая в свои мысли.

Она вожделела вернуться домой в лихорадке, изнурённая ожиданием расплаты. Она грезила о том, как муж сокрушит её волю. Ей виделось, как он бросит её на колени, как обнажит её тело, выставив напоказ её позор, и будет обращаться с ней как с вещью, не имеющей имени. Она жаждала чувствовать холод его презрения и тяжесть его рук; представляла, как он будет терзать её плоть, не зная жалости, как его тело бесцеремонно и глубоко подчинит себе её стоны, заставляя задыхаться от боли и преданности. Она была готова стать безвольным объектом в его руках, принять любое унижение как долгожданное искупление, даже если бы эта игра закончилась её гибелью. Она желала принадлежать ему — целиком, до последнего вздоха.

Однако действительность пресна и бесцветна. Вместо священного наказания последует лишь сухое замечание о приличиях. А если она примет покаянный вид, то и вовсе безмолвное прощение любых прегрешений.

Возможно, ей и в самом деле следовало на время укрыться в доме любовника. С той самой первой ночи, когда их тела впервые узнали друг друга, он неустанно молил её оставить мужа и полностью вверить себя ему. Она размышляла об этом как о своего рода испытании: если эта новая жизнь окажется ей по вкусу, она останется, превратив законного супруга лишь в редкое и тайное удовольствие, в любовника, лишённого прав.

Но если этот побег не принесёт ей покоя, она вернётся к мужу. Она представляла, как падёт к его ногам, изнурённая и сломленная долгим отсутствием, лишённая всякой гордости. И тогда, возможно, в этом предельном унижении, в этом безмолвном признании своего поражения, он наконец дарует ей то единственное, о чём она так долго и мучительно грезила — истинную тяжесть своей власти.

Это был безупречный расчёт, лишённый лазеек. Какой бы путь она ни избрала, финал сулил ей долгожданное поражение. В этой беспроигрышной партии ставкой была она сама, и любой исход возвращал её к необходимости быть подчинённой, сломленной и, наконец, обрётённой в своей неволе...

Резкая, бесцеремонная трель телефона разорвала мушкетёра её витиеватых размышлений. Видимо, у мироздания на это утро были свои планы, и в них явно не входил покой.

— Привет, Альба. Говори, — Анна была удивлена столь ранним вызовом.

— Аня, я не знаю, что мне делать. Ты можешь приехать? — голос Альбы дрожал от плохо скрываемой паники.

— Что случилось? Объясни толком.

— Мой парень, кажется, мне изменяет. Я вернулась со смены, легла в постель, а она пахнет чужими духами. И на подушке рыжий волос, а я блондинка! — голос сорвался на визг.

— Альба, успокойся. Где он сейчас?

— Волос? — она явно уже примеряла на него траурную ленточку.

— Мужик твой! — Анна почувствовала, как внутри всё сжимается, нехорошее предчувствие липким комом подкатило к горлу.

— Спит. Я его накачала. Аня, приезжай, я не хочу опять в тюрьму! — судя по голосу, перспектива казенных харчей пугала её больше, чем труп в спальне.

Альба — тощая блондинка «метр с кепкой», упёртая и наивная. Они с Анной дружили с детства. Десять лет назад, ещё на заре туманной юности, в жизни Альбы случилась трагедия. Она безумно влюбилась. Это был её первый мужчина, с ним она потеряла девственность. Он обещал вечную любовь и всё в таком духе, но вскоре выяснилось, что у него романы ещё с двумя девушками.

Терпеть такое Альба не стала. Вместо бурных сцен она подружилась с соперницами, и втроём они решили поделить ненасытного Дон Жуана. В буквальном смысле. Накачали его дрянью так, чтобы он лежал бревном, но всё видел и всё понимал, а потом достали нож — и каждая взяла себе «сувенир» на память. Альбе достался член. Самый непрактичный брелок в истории правосудия. Герой-любовник истёк кровью и издох как бродячий пёс. Вроде и подделом, но закон рассудил иначе: Альбу на долгие годы заперли в клетку, как обезьяну в зоопарке.

Выйдя на свободу, она сошлась с каким-то парнем и переехала к нему. Анна его ни разу не видела: она тогда уже погрязла в отношениях с Лебедем, и семейный быт не оставлял достаточно времени для частых встреч подруг. И вот теперь — такая ситуация. Нужно было предотвратить беду: кто знает, на что способна женщина, у которой в руках снова может оказаться нож?

— Диктуй адрес, — Анна была настроена решительно.

Альба продиктовала, и Анна замерла в изумлении. Это был адрес её собственного любовника — того самого, с которым она провела эту ночь и к которому только что окончательно собиралась перебраться. Кажется, рыжий волос на подушке только что обрел хозяйку, а у Анны появился шанс стать следующим «экспонатом» в коллекции подруги. Выходит, хочешь не хочешь, но проблему придётся решать.

Глава 2

Призрак лежал на нарах и изучал трещины в потолке с тем же энтузиазмом, с каким археолог изучает карту затерянной Атлантиды, только без надежды найти золото. Спина ныла. Тонкие металлические ленты лежака впивались в плоть, напоминая о том, что эргономика — это лженаука, придуманная людьми, которые никогда не пытались уснуть на гигантской терке для овощей. Даже подложенная под матрас зимняя куртка не помогала: она лишь добавляла в общую симфонию боли нотки колючей синтетики и запах старого вокзала.

В последнее время Призрак превратился в подобие дефектного китайского будильника, у которого шестеренки крутятся в обратную сторону: он подрывался на рассвете, хотя засыпал глубокой ночью, когда даже демоны под кроватями обычно уходят на перерыв, чтобы пропустить по стаканчику серы и пожаловаться на варикоз. Недостаток сна он компенсировал днем, проваливаясь в тревожное забытие в коротких промежутках между бесконечными просчетами заключённых тушек и раздачей хозовской баланды.

Снаружи из рупоров соседней колонии донеслись первые торжественные звуки гимна. Гимн в СИЗО — это как гонг в боксе, только вместо перерыва он объявлял начало очередного двадцатичетырёхчасового раунда в чемпионате «Попробуй не сойти с ума», и дефилируют не по рингу смазливые фигуристые девицы с табличками, а по продолу обтянутые камуфляжем охранники с дубинами. Медь оркестра из динамиков была такой хриплой, будто в жерло каждой трубы засыпали по ведру битого кирпича, а хор стенал так, словно их скопом натянули на вертикаль власти и теперь Родина обязана слышать предсмертные хрипы исполнителей.

За дверь, которую здесь ласково именовали «роботом», на глянцево-бетоне продела, послышалась твёрдая поступь постового. Щелкнул выключатель. Лампы в старинных плафонах, запертых в стальные клетки, вспыхнули с неохотой. Стекло было таким мутным и грязным, что свет сквозь него пробивался с трудом, словно боялся увидеть то, что ему предстояло освещать.

Призрак поднялся и окинул взглядом свою резиденцию размером пять на три на четыре. Побелка на стенах и потолке имела благородный серо-бурий оттенок — цвет застарелого отчаяния и копоты от тысяч выкуренных сигарет. На полтора метра от пола стены покрыты жёлто-коричневой краской — идеальный цвет для тех, кто хочет впасть в депрессию.

Вдоль стен приварены двухъярусные нары. Металлический стол и лавка выглядели так, будто их ковали в аду специально для пыток копчиков — дизайнеры явно вдохновлялись инквизицией. У противоположной стены примостилась раковина, рядом с ней в углу — «очко», а прямо напротив него, вверху — глазок видеонаблюдения, чтобы никто не чувствовал себя одиноким в минуты глубоких раздумий.

Когда-то в эту камеру, рассчитанную на четверых, забивали пятнадцать, а то и двадцать человек. Спали, ели и отдыхали по очереди, в три смены, напоминая игру в «тетрис», где проигравших отправляют на «каникулы» в карцер. Баланда в те времена была похожа на серую слизь из дешевых ужастиков, которая начинает переваривать тебя раньше, чем ты её.

Сейчас стало «цивилизованно». Приемлемое трёхразовое питание — по понедельникам, средам и пятницам — и почти никакого массажа дубинками. Раньше били вдохновенно, от пяток до лопаток, превращая заключённых в подобие отбивных, успевай только голову прикрывать, чтобы не прилетело. Теперь же, под бдительным взором видеокамер, охранники стали скромнее: бить предпочитают только в «мёртвых зонах» или «боксиках» — из чистого уважения к искусству операторской работы.

В железном чреве двери что-то лязгнуло, словно гигантский робот-пылесос подавился болтом. «Кормяк» выплюнул порцию воздуха, и в прямоугольном отверстии материализовалась физиономия продольного.

— Селезнёв Ты тут ещё, не дематериализовался? — проскрипел надзиратель.

Призрак, чьи суставы издали звук, подозрительно похожий на хруст сухих веток, поставил ногу на батарею — единственный тёплый предмет в этом царстве бетона — и, вцепившись в оконную решётку, сполз с нар с грацией подбитого птеродактиля.

— Здесь я. Куда мне деться? Разве что просочиться сквозь канализацию, но там сейчас пробка из вчерашней каши, — буркнул он.

— По сезону с вещами. Давай, ГОСТ, собирайся. Нагоняют тебя, — продольный осклабился и с грохотом захлопнул окошко.

Призрак застыл. В голове у него воцарилась тишина, какую можно встретить разве что в эпицентре ядерного взрыва за секунду до того, как всё взлетит на воздух. Мир вокруг зашатался. Сокамерники тут же облепили его, как мухи — свежесвыпавшую росу. Посыпались объятия, похлопывания по спине, от которых он чуть не выплюнул лёгкие, и поздравления, звучавшие так, будто он только что выиграл джекпот в лотерею, где главным призом было право дышать воздухом, не пахнущим хлоркой и немытыми телами.

Он начал медленно переодеваться, с подозрением глядя на свою гражданскую одежду, которая за это время явно успела обзавестись собственной экосистемой.

— Слышь, Призрак, — подал голос один из сокамерников, Аброрхон — незванный постоялец из слишком средней Азии. — Давно хочу поинтересоваться, расскажи, пока ты не испарился в тумане свободы: чего тебя режимник и вся эта братия «ГОСТом» кличут? Ты что, соответствуешь государственным стандартам качества?

Призрак замер с носком в руке. Он выглядел как человек, которому предложили объяснить квантовую физику на пальцах, используя только три матерных слова.

— Ну, это давняя история, — выдавил он. — И долгая. Как очередь в аду за бесплатным мороженым.

— Да ладно тебе, не тяни kota за подробности, — подхватил Мухаммад — ещё один бородатый гость из солнечного Узбекистана. — Расскажи вкратце. Нам же тут нужно чем-то забивать головы, кроме мечтаний о жареной картошке и знойных красотках.

— Я тогда в КБ работал, — начал Призрак, пытаясь запихнуть в тонкую папку толстенную пачку документов.

— В «Красном-Белом»? — с искренним удивлением переспросил Мухаммад. В его понимании КБ могло быть только порталом в мир бюджетного алкоголя, а не местом, где люди добровольно занимаются ещё чем-то, кроме выбора дешёвого бухла, например, умственным трудом.

Призрак посмотрел на него так, словно тот только что предложил съесть свои тапочки под соусом бешамель.

— В конструкторском бюро, гений. Видишь вон тот новый корпус СИЗО, который торчит посреди двора уже несколько лет и в котором живут только крысы и призраки?

— Ну да. Каждый божий день его созерцаю. Почему он пустует?

— Потому что он рухнет, если в него заселят толпу бедолаг. Часть работ по подготовке и контролю проектной документации поручили нашему КБ. Сам проект состряпали еще при «совке», когда архитекторы считали, что лучшая форма для человеческого жилья — это коробка из-под обуви, только из бетона и с решетками. Но когда в девяностых власть сменилась, в тюрьмы вкладываться никто не собирался. Все были слишком заняты покупкой малиновых пиджаков и дележом алюминиевых заводов.

Призрак вспомнил бывшее рабочее место, свой огромный чертёжный кульман и вкус дешёвого ячменного кофе.

— Здания обветшали, старый корпус рухнул. Осталась только гора строительного мусора и дыра в бюджете. Новый проект тюрьмы стоит столько, что на эти деньги можно купить небольшой тропический остров и поселить там всех заключённых с коктейлями, поэтому,

чтобы не тратиться, они подняли из архивов старые советские папки. Пыль с них летела такая, что половина нашего отдела чихала гимном СССР.

Он усмехнулся, вспоминая этот бюрократический балет.

— Но была загвоздка. Нормативы сменились, появились новые материалы, и проект нужно было «доработать». Это как пытаться вставить запчасть от современного «Мерседеса» в паровую машину девятнадцатого века, используя только синюю изоленту и веру в светлое будущее. Вот мы этим и занимались — пытались сделать так, чтобы старый советский ужас соответствовал новым стандартам качества.

— Так ты чё, на стройке начальником был? — Джамал — туркменский барбер-строитель — подозрительно прищурился, пытаясь совместить образ инженера с реальностью, где ценились только умение заточить ложку и вовремя промолчать.

— Не вникай, — Призрак отмахнулся, словно от назойливой мухи, которая пытается объяснить ему смысл жизни. — Короче, крови я им попил столько, что хватило бы на небольшой банк для трансильванских беженцев. В этом проекте нарушений было больше, чем грехов у порнозвезды. Я тыкал им в морду этим ГОСТом при каждой встрече, как фанатичный проповедник Библией в баре для грешников. Вот они и стали называть меня «ГОСТом» — сначала в насмешку, а потом привыкли.

Он застегнул сумку, которая издала звук, похожий на предсмертный вздох.

— В итоге тогдашний хозяин СИЗО решил, что мои расчёты — это художественная литература в жанре фэнтези. Он сэкономил на всём, на чём можно сэкономить, не нарушая законов физики... хотя и их он, кажется, слегка погнул. В ход пошли обломки старого корпуса и другие стройматериалы сомнительного происхождения. Корпус слепили из говна и палок, а чтобы эта куча мусора не пугала прохожих, её облепили новеньким кирпичом. Снаружи — элитная недвижимость, внутри — декорации к фильму о конце света.

— Да ну нафиг! — восхищенно выдохнул Джамал.

— Ну да. Деньги попилили так ловко, что опилки осели на счетах в швейцарских банках. Но, как говорится, шило в мешке не утаишь, особенно если это шило размером с пятиэтажный тюремный блок. Завели уголовное дело. Начальник СИЗО, конечно, оказался единственным, кто не успел вовремя притвориться фикусом в кабинете, и пошел «паровозом» за всю компанию. Теперь он сидит в одиночке. В том самом новом корпусе, который сам же и построил.

Призрак закинул сумку на нары и криво усмехнулся.

— Ирония судьбы, да? Но не обольщайся насчет высшей справедливости. В его камере есть душ, диван и телик с плоским экраном, на котором он, вероятно, смотрит кулинарные шоу. И сидит он там только тогда, когда из Москвы прилетает проверка с лицами, полными праведного гнева. Всё остальное время наш «заключенный» живет на даче у бывшего губернатора. Тот ушел на повышение в Москву — видимо, за особые заслуги в области художественного распила бюджета — и оставил домик нашему начальничку за хорошее поведение и умение хранить секреты глубже, чем радиационные отходы.

— Слышь, — Джамал почесал затылок, на котором волос было меньше, чем здравого смысла в тюремном меню. — С ГОСТом-то всё ясно, ты у нас ходячий СНиП. Но как ты из официального документа в Призрака-то мутировал?

Призрак посмотрел на сокамерника с усталостью профессора, вынужденного объяснять алфавит табуретке.

— Молодёжь нынче пошла такая, — вздохнул он, — что по-английски лопочут бодрее, чем на родном великом и могучем. Да и мигрантов вроде тебя тут уже две трети СИЗО — скоро в меню вместо серой слизи появится хумус и фалафель, если повезёт. Был тут один марокканец, пешком через всю Европу к нам притопап, так пока срок мотал — русский выучил, но в процессе, видимо, перепутал все провода в голове. Услышал он, как меня режимник кличет, и невзначай перевёл мою «погремуху» на международный лад.

Призрак криво усмехнулся, затягивая молнию на куртке.

— Ghost по-ихнему — это «призрак». Парень решил, что это чертовски глубоко и символично, а местная братва подхватила. Всем зашло, прижилось. Так я из сухой государственной бумажки превратился в мистическое существо. Был стандартом качества — стал привидением с мотором.

Засов грохнул так, будто кто-то выстрелил в цистерну. «Робот» распахнулся с неохотным скрипом старой качели на заброшенной детской площадке.

— Ну чё, ГОСТ, созрел? Айда на волю, пока начальство не передумало и не решило, что ты слишком хорошо вписываешься в интерьер, — продольный улыбался так широко, что, казалось, его лицо сейчас треснет по швам.

Призрак в последний раз нырнул в объятия сокамерников — коллективный ритуал прощания для тех, кто прогулял жизнь.

— Я там «мульки» и грузы на общаке под шлёмками прикопал, — шепнул он Мухаммаду на ухо. — Вечером отправьте пацанам по «дороге», там чай, барабульки. Вещи из баула на общее пустите. А у меня сегодня будет чифир со вкусом свободы, а не жжёной ветоши.

Он вышел на продол. Ритуал «лицом к стене, руки в гору» прошел почти формально. Обыскали его с грацией ленивых театральных критиков: похлопали по карманам чисто для галочки, словно проверяли, не захватил ли он с собой на память кусок казенного бетона. Затем последовало долгое шествие через весь корпус под конвоем опера на «вокзальчик».

В допросной, где стены впитали столько лжи, что могли бы сами давать показания, вершилось таинство бюрократии. Бумаги шуршали, печати лязгали, как зубы голодного пса. Ему вернули паспорт, на фото в котором он выглядел как жизнерадостный покойник, ключи и деньги, изъятые при задержании. Сверху насыпали горсть мелочи на автобус в эквиваленте одной поездки по городу. КПП, лязг последней решетки, и тишина.

Призрак поплелся к пустынной остановке. Свежий воздух наполнял лёгкие. Телефона у него не было, но это не огорчало: в этот район таксисты заезжали только в сопровождении спецназа или в приступе суицидальной меланхолии.

Час мучительного ожидания на лавке — и, наконец, из марева выкатился автобус: ржавая жестянка, державшаяся на честном слове и слоях прошлогодней грязи. Кондуктора внутри не наблюдалось.

Водитель — мужик с лицом, напоминающим помятую географическую карту, — долго и пристально смотрел на Призрака. Он видел специфическую бледность и этот взгляд «человека, который видел дно колодца». Призрак протянул купюру.

— Спрячь фантики, — хрипло бросил водитель и отвернулся к лобовому стеклу. — Так езжай.

Автобус дёрнулся, и Призрак поехал навстречу миру, который за время его отсутствия явно не стал лучше, но определённо стал желаннее.

Глава 3

— Видите ли, голубчик, вся наша этика — это просто дурная физика. Взять хотя бы эти ваши «добро» и «зло». Пустые слова. Давайте лучше оперировать категориями «хорошо» и «плохо». Народная мудрость не зря предупреждает: «Сильно хорошо — тоже нехорошо». У любого «хорошо» есть свой предел, точка насыщения, за которой структура рассыпается. А вот у «плохого» дна нет. Оно беспредельно. Стоит вам решить, что хуже уже быть не может, как мироздание тут же отвечает вам очередную оплеуху.

Следовательно, мы имеем классическую разность потенциалов. «Добро» — это исток, конечная величина, которая по всем законам градиента стремится в бесконечную пропасть «зла». В финал.

Теперь посмотрим на материю. Сама по себе она мертва, как одинарный код на перфоленте — ноль движений, ноль смыслов. Но стоит приложить к этой инертной массе нашу разность потенциалов, как возникает ток. Жизнь, если угодно.

Но не спешите радоваться. В этой схеме жизнь — штука дефицитная. Ресурс Истока ограничен, а Бездна на другом конце — бездонна. Если бы Вселенная была прямой линией, мы бы уже давно вытекли в никуда и растворились.

Однако закон сохранения энергии — это вам не ведомственная инструкция, его не объедешь. Если где-то убыло, значит, где-то обязательно привалит. Вывод? Мы заперты. Либо внутри одного гигантского контура, либо в цепочке миров, соединенных по принципу сообщающихся сосудов. Полярность на клеммах меняется, или же змея просто кусает себя за хвост, замыкая цикл. Так и крутимся.

— Выходит, — Лебедь задумчиво повертел в руках пустой стакан, — если на этот наш пресловутый «ток жизни» наложить модуляцию, мы и получим то, что по привычке называем реальностью? И вся эта реальность, со всеми ее горами, морями и не вовремя пришедшими счетами, зависит исключительно от кода?

— Именно, — Профессор кивнул, не отрываясь от осциллографа. — И не забывайте, голубчик: модуляция бывает не только внешней, но и внутренней. Каждый из нас — сам себе кузнец, и молот у него в голове. Окружающий мир — это в первую очередь продукт наших с вами усилий. Мысли формируют сознание, сознание диктует действия... Старая песня: хочешь изменить мир — начни с себя.

— Подождите, — перебил его Лебедь. — Значит, Добро и Зло — это никакие не моральные категории? Не дедушка с нимбом и не черт с вилами?

— Бросьте эти сказки, — Профессор поморщился. — Это просто полюса. Добро — это ресурс, энергия в рамках нормы. Зло — тот же ресурс, но хлынувший через край, превышающий предел прочности системы. Нужна «золотая середина», точка баланса. В языке это называется просто — достаток. Когда тебе всего достаточно — это хорошо. Когда нет — плохо. Элементарная термодинамика.

— Если перейти к символам, — продолжал Профессор, рисуя мелом на доске, — пусть Добро будет «плюсом», а Зло — «минусом». Тогда середина — это их совмещение, «±». Вы нигде такого знака не встречали? В монументальном, так сказать, исполнении?

— На храмах? — неуверенно предположил Лебедь.

— На православных храмах, милейший! Именно там, в изначальном православии, скрыты ответы на большинство наших вопросов, но

— Что «но», профессор?

— К сожалению, то, что сегодня принято называть православием, им по сути не является. Главные смыслы вывернуты наизнанку, коды искажены. То, что мы имеем сейчас, вряд ли способно нам помочь. Скорее, оно работает как вирус в системе.

— Но как же так вышло?

Профессор наконец отошел от прибора и посмотрел Лебедю прямо в глаза.

— Вы никогда не задумывались, почему при всех наших фантастических технологиях большинство людей глубоко несчастны?

— Еще как задумывался, — буркнул Лебедь. — Чем больше я лезу из кожи вон, чтобы наладить жизнь, тем с большей силой меня втоптывает в грязь. Всё происходит с точностью до наоборот.

— Всё верно. Третий закон Ньютона в применении к психофизике. Нам внушают идеалы, которые вдребезги разбивают баланс, уводят нас от «золотой середины». А сила действия, как известно, равна силе противодействия. Чем отчаяннее мы ломимся к этим навязанным идеалам, тем яростнее реальность отбрасывает нас назад, превращая наши жизни в руины. Мы просто пытаемся модулировать сигнал на частоте, которую эфир не принимает...

Лебедь открыл глаза. Пробуждение наступило давно, но он продолжал неподвижно лежать, позволяя полудрёме окутывать себя, точно тяжелому шелковому покрывалу. В этом зыбком оцепенении сознание становилось прозрачным, извлекая из глубин ответы на неразрешимые вопросы или, как сегодня, — обрывки воспоминаний, острых и отчетливых.

Он поднялся, подчиняясь привычному ритму, и прикурил первую сигарету. Дым был горьким и желанным. Скверная работа вытяжки дала ему повод покинуть комнату; он вышел в коридор, ведущий к лестничной клетке, туда, где воздух был холоднее и свободнее.

Там он увидел её. Анна стояла за углом, едва дыша, наблюдая за ним из своего укрытия. Поняв, что обнаружена, она медленно вышла на свет. Её голова была покорно опущена, а лицу она придала то выражение кроткого раскаяния, которое так хорошо умела носить. Она подошла вплотную и прильнула лбом к его плечу — жест безмолвного прощения. Лебедь не произнес ни слова; он просто обнял её, принимая эту покорность, и открыл перед ней дверь.

— Это тебе, — прошептала она.

В её руках, словно из пустоты, возникли две плитки шоколада и печенье. Маленькое подношение, почти жертвенный дар. Против воли его губ коснулась едва заметная улыбка.

— Сейчас я поставлю чайник, — пропела она, мгновенно сменив маску покаяния на привычную легкость, и ускользнула в глубину кухни, оставив после себя лишь легкий шелест шагов.

Глава 4

— Послушайте, Профессор, — Лебедь поерзал на жестком стуле, — если мы и в самом деле как-то подкручиваем эту реальность своими мыслями, то почему же на выходе такой пшик? Почему желания застревают в горле, а мечты... ну, вы сами видите, во что превращаются мечты.

Профессор долго и тщательно вытирал пальцы замасленной ветошью. — У большинства — да, пшик. Энтропия, голубчик, обыкновенная душевная энтропия. А вот у некоторых — срабатывает. Тут ведь дело не в силе вопля, а в чистоте тона. Нужно, чтобы ум с разумом не тянули в разные стороны, как лебедь с раком. Это как... — он замялся, подбирая слово, — как правильно заданная программа для старой ЭВМ. Ошибся в одном знаке — и машина выдает тебе гору перфоленты с белибердой. А попал в точку — и получаешь результат, от которого волосы дыбом.

— Значит, просто хотеть — мало? — Лебедь скептически хмыкнул. — Нужно еще какое-то внутреннее обоснование? Справка с печатью?

— В первую очередь нужна тишина внутри. Чтобы самого себя не перекрикивать. — Профессор бросил ветошь на стол и вдруг спросил в упор: — Что вы знаете о драконах, Лебедь?

— О ком? — Лебедь даже рот приоткрыл. — Профессор, вы это серьезно? Какие еще драконы в наше время, когда даже за пивом без пропуска не выйдешь?

— Отвечайте, — сухо бросил старик.

— Ну... ящерицы переростки. Из сказок. Летают, дымят, девок воруют. У меня по этой части познания куцые — Змей Горыныч из мультфильмов да бумажные чучела, которых китайцы на палках носят.

— Ясно, — Профессор как-то сразу сник и потер воспаленные веки. — Опять сказки... А зря. Мифология тут вообще боком не стояла. Я вас, может, сейчас ошарашу, Лебедь, но драконы — они ведь никуда не делись. Живут себе припеваючи, и их в нашем с вами мире — как нерезанных собак. Ходите по ним и не замечаете.

— Как так? — Лебедь от неожиданности чуть не выронил стакан с чаем. — Вы хотите сказать, они... невидимые?

— Да нет же, голубчик, очень даже видимые. — Профессор тонко улыбнулся, глядя на ошарашенного собеседника. — Просто вы ищете хвост и чешую, а искать надо структуру. По-русски «дракон» — это всего лишь группа организмов, действующая как единое целое.

— Какая еще группа? — Заинтересовался Лебедь.

— Обыкновенная, — Профессор невесело ухмыльнулся, глядя куда-то сквозь приборы. — «Дракон», милейший, это не чешуя и не пламя. В нашем изначальном коде так называлась способность живой материи работать в сверхсогласованном режиме. Коллективный разум, если угодно. Видели, как стая скворцов в небе выписывает фигуры? Или как рой пчел принимает решение? Это не сумма единиц, это единый вычисляющий контур. Табун, косяк рыб, муравейник — это и есть Драконы. Они действуют с такой четкостью, будто ими дирижирует невидимый оператор. Там нет помех, понимаете? Там синергия. Это не арифметика, где один плюс один равно два. Это геометрическая прогрессия: каждое взаимодействие не складывает ресурсы, а перемножает их.

— О как... — Лебедь осторожно поставил стакан на край стола, боясь шелохнуться.

— Да, да! — Глаза Профессора лихорадочно блеснули, он явно поймал кураж. — И человек, голубчик, в эту схему вписан изначально. Мы по своей природе и есть «драконы-творцы». Когда-то мы умели замыкать сознания в общий контур, и тогда результаты были... ну, скажем так, невысказанные для нынешнего обывателя. Мы ведь не просто живем в мире, мы его про-

граммируем этим самым коллективным полем. Одиночка — это всего лишь шум, он едва-едва на свою-то судьбу может повлиять.

Профессор прошелся по лаборатории, скрипя половицами.

— Конечно, всегда найдется какой-нибудь ушлый одиночек. Он верит в свое «право имею», собирает вокруг себя бесцельных, растерянных одиночек и строит из них свою личную пирамиду. Группа работает слаженно, выдает результат, но вся энергия уходит наверх, вознося этого одного-единственного на вершину. Но представьте на секунду, Лебедь, что в таком коллективе все равны. Никаких иерархий, только чистый резонанс. Это же будет идеальный мир, понимаете? И это вам не книжная утопия для восторженных юношей. Это чистая физика...

— Милый, ты не спишь?

Лебедь открыл глаза. Анна застыла в раме дверного проема ванной — обнаженная, лишенная стыда, предлагающая себя его взгляду как дар или как жертву. В её неподвижности было нечто от античной статуи, и он смотрел на неё с тем немым обожанием, которого требует истинная красота.

— Ты прекрасна, — прошептал он.

Она слегка склонилась, перенося вес на одну ногу; этот жест, полный нарочитого изящества, заставил его кровь запульсировать быстрее. Заметив огонь, вспыхнувший в его глазах, она медленно обернулась, демонстрируя совершенство своих линий. Лебедь невольно подался вперед, желая нарушить дистанцию, но Анна остановила его едва заметным движением руки.

— Лежи, — голос её был мягок, но в нем звучала сталь приказа. — Сегодня ты — мой пленник. Расслабься и наслаждайся.

Она опустилась на край ложа. Её ладони, прохладные и властные, коснулись его щиколоток и медленно скользнули вверх к коленям, пробуждая трепет в каждой поре его кожи. Когда она велела ему перевернуться, он с кротостью повинился. Она ласкала его бедра и спину, её пальцы впивались в его плоть, изучая её сопротивление и податливость. Затем она склонилась к его стопам, и этот акт почти религиозного преклонения отозвался в её душе странной, томной мелодией. Она приникла губами к большому пальцу его ноги, посасывая его и едва ощутимо прикусывая.

Когда же музыка желания стала невыносимо громкой, она вернула его в прежнее положение. Взгляд её был затуманен, дыхание прерывисто. Без лишних слов она припала к нему, и её губы, знающие тайное искусство доставлять муку и блаженство одновременно, повели его к той неизбежной вершине, где воля окончательно гаснет в экстазе.

Глава 5

Они покоились на широком, податливом ложе, словно на алтаре своего уединения. Анна дремала, доверив тяжесть своей головы плечу Лебеда; её волосы — поток расплавленного золота с отблеском меди — в беспорядке рассыпались по его груди, точно шелковые путы. Вдыхая их аромат, он погружался в ту вязкую, густую негу, что граничит с забытьем. В эти мгновения его настигал абсолютный покой — редкое, почти пугающее своей глубиной счастье, которое дарует лишь полное единение.

Их студия, некогда тесная и суровая, теперь казалась драгоценным ларцом. До появления Анны здесь властвовал хаос творчества, холодный и беспощадный порядок одинокого мужчины, привыкшего работать там же, где он спит. Но едва переступив порог, она преобразила это пространство. Её рука, нежная, но властная, привнесла сюда мягкий свет и то неуловимое тепло, которое делает стены живыми.

Анна была художницей. Её мольберты и кисти не нарушили пространства, а, напротив, подчинили его себе, органично вплетаясь в суровую обстановку студии. Стены теперь принадлежали ей: их украшали её лучшие полотна, которые Лебедь запретил продавать.

Взор его остановился на одной из картин — там две тени сплетались в неистовом, безмолвном экстазе. Глядя на этот союз призрачных тел, Лебедь дал волю воспоминаниям, и они мгновенно скользнули к образу погибшей жены.

Она была ослепительна — той живой, торжествующей красотой, которая не требует слов, а лишь безмолвного преклонения. В её лице читалась невинность, вступающая в острое противоречие с бесстыдной роскошью форм; тяжесть её бедер и притягательность зада обладали такой властью, что одного взгляда было достаточно, чтобы в Лебеде вспыхнуло неодолимое, жаркое вожеление и желание прильнуть к этой теплой, дышащей жизнью плоти.

Её присутствие было сродни свету: она обладала избытком жизни, той неукротимой энергией, что способна согреть самого безнадежного. Её любили все, подчиняясь её обаянию без ропота; казалось, сама природа была у неё в услужении. Даже в день похорон, когда небо над кладбищем затянулось свинцовым саваном и плакало дождем, над её разверстой могилой необъяснимо сияло ласковое солнце, точно последний дар уходящей богине.

Тринадцать лет он нес на себе вериги одиночества. Ни одна женщина не могла утолить его голода, ибо в них не было и тени той, утраченной. Пустота была абсолютной, пока он не встретил Анну. Сходство было полным — и в чертах, и в порывах души. Порой, в моменты забвения, он выдыхал имя покойной жены, касаясь кожи Анны, и та принимала это имя как должное.

Он знал — Анна не создана для семейного быта. Она была слишком молода, слишком жива, и её измены были лишь вопросом времени, ведь он был вдвое старше её, но это не пугало его. Только через её тело, через её присутствие он мог вновь коснуться своей единственной любви. Он был готов простить ей любое падение, любую ложь, лишь бы видение любимой не развеялось. Анна знала это; она приняла это бремя и поклялась никогда не оставлять его, возвращая ему своими прикосновениями образ той, кого он не мог забыть.

Именно эта невыносимая утрата, эта зияющая пустота, оставшаяся там, где прежде была живая и теплая плоть его жены, толкнула его к самому краю познания. Он более не принадлежал этому миру; его дух, отравленный тоской, искал лазейку в иные пределы, где смерть теряет свою окончательную власть. Он был одержим безумной, почти кошунственной надеждой: найти тропу в те неведомые измерения, где возможно вновь обрести её присутствие, а может даже и прижаться к её телу.

Ради этого мгновения воссоединения он был готов на всё. Его не страшили ни безмолвные миллиарды лет, ни ледяные триллионы километров пустоты, разделяющие миры. Это было

не просто любопытство ученого, а алчность изгнанника, стремящегося вернуться в утраченный рай. В этих сумеречных поисках, на самой границе между верой и безумием, судьба и столкнула его с Профессором — человеком, чьи знания обещали стать ключом от дверей, которые прежде считались навеки запертыми.

— Получается, — Лебедь поскреб пятерней небритую щеку, — если наложить лапу на этот ваш «резонанс», то можно, модулируя эфирные токи, лепить из реальности любую фигуру? Хоть замок, хоть кабак, хоть светлое будущее?

— В дырочку, голубчик, — Профессор криво усмехнулся, не отрываясь от протирания какого-то доисторического реле. — Даешь человеческому стаду вектор общего хотения — и получаешь на выходе заказанный пейзаж. Физика чистейшей воды. Именно для этой цели, между нами говоря, и был спроектирован проект «Бог». Религия — это вам не опиум, это сверхмощный системный софт. Древний, как кости мамонта, но до сих пор без единого бага.

— Значит, вся эта всеобщая вера — просто чей-то частный интерес? — Лебедь почувствовал, как в горле запершило от сухого лабораторного воздуха. — Чья-то личная корысть?

Профессор замер, и в тишине было слышно, как на подоконнике бьется шальная муха. Он медленно повернул голову.

— Безусловно, — его губы тронула тонкая, почти змеиная улыбка.

— Церкви? — выдавил Лебедь.

— И её в том числе. Но это так, операционные расходы. Берите выше.

— Но подождите, — Лебедь раздраженно дернул плечом. — В церковных писаниях, при всей их кровожадности, красной нитью идет: добро, любовь, подставь другую щеку... Если миллиарды искренне резонируют на этой частоте, почему же мы сидим в таком дерьме? Почему на выходе не райские кущи, а сплошной пшик и энтропия?

— Возможно потому, голубчик, что большинство не по тому адресу депеши шлет. Не тому Богу молится. — Профессор отложил реле и посмотрел на собеседника в упор. — Как вы считаете, Лебедь, кто у нас в этом сезоне самый популярный Бог? Лидер хит-парада?

— Я в этих материях смыслю еще меньше, чем в ваших драконах, — буркнул Лебедь. — Иисус там... Ну, может, Будда для любителей экзотики. Остальных по именам не упомяну.

— Очень даже помните, Лебедь. Его все знают, — Профессор саркастически ухмыльнулся, и в его глазах блеснуло что-то холодное, исследовательское. — Он у каждого в кармане и у каждого в печенках.

— Может, Аллах? — неуверенно предположил Лебедь.

— Деньги! — выдохнул профессор, подавшись вперед так, что стул под ним протестующе скрипнул. — Вот он, ваш «бог» богов. Главный и единственный. Извлечение прибыли — вот и вся литургия, а кошелек вместо псалтыря.

— О боже — пробормотал Лебедь, пораженный простотой этой пакости.

— Именно, голубчик. Именно, — Профессор аккуратно отложил ветошь, и вид у него был такой, будто он препарирует дохлую крысу. — И ведь что характерно: исповедуют эту веру втихую, неосознанно, как дыхание. Зрачки расширены, ум в тумане, пульс частит при виде нулей. Стремление к обогащению — это же идеальный шум, он перекрывает любой другой сигнал. Никто ведь давно не задается вопросом: а что это за субстанция такая? На кой хрен они вообще нужны в таком количестве, если в саван карманов не пришьешь?

Лебедь молчал, оглушенный. Перед глазами поплыли бесконечные ряды цифр, чеков и потных ладоней. Профессор, почуввав, что аудитория созрела, продолжил с вкрадчивой жесткостью:

— «Деньги правят миром» — избито, правда? А ведь если вдуматься — какая пошлая мистика. Что они такое сегодня? Иллюзия. Крашенные фантики, биты информации на серверах, которые могут лопнуть от одного короткого замыкания. И за этот пшик, за этот электронный

туман люди глотки друг другу рвут, предают, подличают Алчность, Лебедь, — это не просто грех из пыльной книжки. Это вирус, сожравший операционную систему.

— Деньги — это козел в стаде баранов, — хмуро вставил Лебедь.

Старик сухо хихикнул, оценив метафору.

— В яблочко! Ведет стадо напрямиком на бойню, а бараны и рады, копытами подпрыгивают. И ведь какая иезуитская механика: их никогда не бывает достаточно. Это же дурная бесконечность. Чем больше загребаешь, тем сильнее зуд. Чистая физика: на каждое действие — противодействие. Посмотрите на статистику, она же вопит: девяносто процентов всех земных побрякушек зажаты в кулаках у десяти процентов населения. И те, и другие — рабы системы.

— Пороки лепят эту реальность, — Лебедь сжал кулаки так, что побелели костяшки. — Если этот конвейер не остановить, мы же сами себя в труху перемелем. Вместе с вашими эфирными токами. Как всё изменить, Профессор? Есть у вас рецепт, или только диагнозы ставить умеете?

Профессор вдруг сник, плечи его опали, и он снова стал похож на обычного усталого старика в засаленном халате.

— На это, милейший, у меня полноценного ответа нет. Как говорят в приличных домах: критикуешь — предлагай. А что тут предложишь? Каким вектором перешибить жажду золотого тельца? Какого Бога выкатить человечеству на замену, чтобы он перевесил этот вселенский зуд стяжательства?

Лебедь посмотрел в темное окно, за которым угадывались очертания равнодушного города.

— Справедливого — тихо сказал он...

Глава 6

Лебедь проснулся от дымных ароматов кухни — плотных, обволакивающих, пробирающихся под самое одеяло. В полусне на мгновение показалось: он снова в детстве, в старом доме-пятистенке. Там утро всегда пахло выпечкой. Бабушка колдовала у печи, и воздух наполнился уютным теплом жареных пирожков с капустой, картошкой или ливером. Блины, беляшики с золотистой корочкой, сочные чебуреки. Румяные ватрушки и щедро смазанные маслом шаньги, только что извлеченные из жаркого нутра духовки. Запах бывал настолько восхитительным и аппетитным, что удержаться в постели не было сил — хотелось босиком броситься в густое тепло кухни, к столу.

Он открыл глаза. Атмосфера была не менее уютной. В стелющемся облаке пара, спиной к нему, у плиты стояла Анна в полупрозрачной короткой маечке на голое тело. Она замерла в позе цапли — тонкая, сосредоточенная, на одной ноге, вторая согнута в сторону, стопа упёрлась в колено. Она привычно подцепила кончиком ножа край блина на сковороде и перевернула его. Пар взметнулся вверх.

— Что моя зайчышка делает? — Лебедь потянулся, чувствуя, как мышцы отзываются благодарностью.

Анна обернулась, не теряя равновесия:

— Доброе утро!

— Доброе утро, милая!

— Блинчики будешь? Сейчас стол накрою.

Она сбросила последний блин со сковороды на блюдо. Лебедь подошел, обнял её со спины, ощущая кожей тепло желанного тела сквозь прозрачную тонкость её короткого одеяния, и чмокнул в шею.

— Пойду умоюсь.

Когда он вернулся из ванной, на кухне уже царил порядок. На столе высилась дымящаяся стопка блинов — пористых, масляных. В маленьких вазочках яркими пятнами застыли черничный и манговый джемы, рядом белела густая сгущенка. В большой кружке парила заварка — ароматный чай с шиповником и бояркой. Анна поставила на стол пиалку с растопленным сливочным маслом, желтым с белой пенкой. Села рядом.

— Тебе опять профессор снился? — она привычно свернула блин тугим свитком и макнула его край в масло.

— Да. Я опять во сне разговаривал?

Лебедь откусил приготовленный для него блин. Вкус был именно тем, из детства. Тепло разлилось по нутру, и душа наполнилась спокойным счастьем.

— Не сильно, — она улыбнулась, — побурчал немного, но я сразу догадалась, что о профессоре. Что, он так и не объявлялся?

— Нет. Больше года уже никто его в городе не видел. Словно растворился.

— Ты позвони Гоблину, — мягко посоветовала Анна. — Может, он с ним на связь выходил.

— Да, надо... — Лебедь наслаждался завтраком.

Хотя они и договаривались с Гоблином: любой сигнал от профессора — и сразу звонок, но Гоблин со своими «пристрастиями» жил в ином измерении, где время течет иначе, а важные обещания легко забываются в тумане очередного забвения.

— Да... Слушаю, — прохрипел Гоблин. В трубке явственно ощущался запах несвежей подушки и тяжелой головы.

Лебедь невольно скосил глаза на хронометр: 11:14. В это время порядочные сотрудники уже выпивали третью порцию скверного кофе и вовсю штурмовали проблемы макроструктур.

— Здорова, алхимия, — поприветствовал Лебедь. — Опять у тебя «утро в сосновом бору»?

— Да... Вчера имел неосторожность вступить в дискуссию с вечностью. Перефестивалил, в общем, — слова выталкивались из Гоблина с трудом, словно заржавевшие поршни.

— Давай я позже наберу.

— Нет, излагай. Я уже в вертикальном положении...

В трубке послышалось натужное кряхтение, затем — бульканье. Гоблин пил жадно, поверблужьи, будто пытался залить пожар в собственном реакторе.

— Ты как сам? — Лебедь постарался, чтобы сочувствие в голосе не выглядело слишком уж менторским.

— В штатном режиме, — буркнул Гоблин. — Сам же всё понимаешь. Нормально. Ты чего в такую рань поднял тревогу? Случилось что?

— Не такая уж и рань, полдень почти. Я насчет Профессора. Снится он мне. Слишком часто в последнее время. С тобой он на связь не выходил?

— Отрицательно. Как забрал свои пилюли, так и канул. Я бы маякнул.

— Пилюли? — Лебедь насторожился. — Ты у нас теперь что, филиал фармакологии? Когда это было?

— Да год назад еще, — проскрежетал Гоблин, и было слышно, как он с грохотом ставит пустой стакан на стол. — Я же тебе докладывал, память твоя дырявая.

— Ничего ты не докладывал, — отрезал Лебедь. — Что за препараты? У старика что, обнаружились дефекты в органике, о которых он забыл сообщить?

— Не медицинские это препараты, — голос Гоблина внезапно обрел неприятную четкость. — Это был спецзаказ. Для подтверждения его «теории». В точности как у тебя. Я синтезировал, он принял объект и испарился. Ты-то свою часть работы закрыл?

— Естественно. Вывернул наизнанку все архивы, нашел ему эти проклятые изводные слова. Отправил пакет — и тишина. Слушай, это уже не смешно. Получается, как только у него на руках оказался полный комплект доказательств, он тут же... самоликвидировался?

— Вот именно, — Гоблин тяжело вздохнул, и в трубке послышался щелчок зажигалки. — Странно всё это, Лебедь. Свербит у меня под ложечкой. Переживаю, не переборщил ли старик с дозировкой. Если он там где-нибудь... аннигилировал, то на мне прямая вина по линии совести.

— Да что это было за вещество? — Лебедь почувствовал, как по затылку пробежал неприятный холодок.

— Синтетический пейот, — почти шепотом выдавил Гоблин. — Индейская дрянь для коррекции мировосприятия. То, что они используют для «сотворения магии».

— Магии? — Лебедь невольно сжал трубку так, что затрещала пластмасса. — Ты в своем уме? При чем здесь магия?

— При том, — Гоблин горько усмехнулся. — Теория профессора — это ведь не просто поправки к уравнениям Максвелла. Это, брат, фундамент. Она сводит воедино всё: от кривизны пространства до существования иных миров. Она переводит магию из разряда сказок в разряд чистой физики. Естественные процессы, Лебедь. Просто мы, дураки, не умеем нажимать на нужные кнопки.

— Ого... — только и смог выдавить Лебедь. В голове у него мгновенно воцарился полный и окончательный кабак. Мысли сшибались, как шары в бильярде, и ни одна не хотела лететь в лузу.

— Послушай, Лебедь, мне это всё окончательно перестает нравиться, — голос Гоблина дрогнул, в нем прорезались нотки настоящей, не похмельной тревоги. — Тебе ведь старик

тоже нужен, у вас там свои... эмпирии. Ты уж поищи его, разузнай, в какой слой реальности он провалился.

— Да я год только этим и занимаюсь! — огрызнулся Лебедь. — Всех информаторов на уши поставил, все частоты прочесал. Глухо, как в танке. Никто ничего внятного сказать не может, одни гипотезы, одна туманнее другой.

— У него брат есть, — внезапно брякнул Гоблин. — Если с профессором что и стряслось, брат должен быть в курсе. Кровь — не водица, тем более в таких материях.

Лебедь на мгновение онемел. Информация ударила под дых, как внезапный скачок гравитации.

— Брат? — переспросил он, чувствуя, как внутри всё напряглось. — Какой еще брат? Откуда? Он никогда при мне не упоминал о родственниках.

— Да. Живет где-то в глубоком тылу, в глухомани. Но связи там нет. Ни интернета, ни даже банального телефона. Там время застыло году в пятидесятом. Только личный визит, ножками.

— Адрес?

— Только координаты. Закрытый городок, «почтовый ящик». Раньше там стояла секретная часть, а теперь — черт его знает, есть ли у этого места вообще имя на карте. Профессор к нему собирался, маршрут на моем навигаторе прокладывал. Точки в памяти остались, я тебе их переброшу по защищенному каналу. Старика там каждая собака знает, найдешь родственника — найдешь и след.

— Что же ты раньше-то молчал, химик хренов?! — Лебедь едва сдерживал рык.

— Ну, я... Эх, да неважно теперь. Сказал же, — голос Гоблина сделался совсем виноватым, почти заискивающим. — И вот еще что... Если найдешь его в добром здравии, передай: вторая партия готова. Продукт чистый, пусть забирает. Или скажет, куда девать этот склад магии.

— Сбрасывай координаты, разберусь. На связи.

Лебедь отложил трубку и долго сидел неподвижно, уставившись в одну точку на пыльном стекле. На горизонте, сквозь морок безнадеги, вновь замаячил призрачный шанс. Надежда на связь с иными мирами, на то, что всё еще можно исправить... на встречу с той, чье имя он с трепетом произносил даже в мыслях. Надежда была тонкой, как нить накала в старой лампе — одно неловкое движение, один лишний выдох, и всё снова погрузится во тьму.

Глава 7

— О чем задумался? — Анна мягко коснулась его руки, нарушая плавный ход его мыслей.

— Да так... — он неопределенно повел плечом, словно стряхивая остатки сна.

— Расскажи.

— О жизни, — Лебедь замер, разрываясь между тактильной реальностью и колючим холодом собственных размышлений. — Точнее, о её качестве.

Анна чуть склонила голову набок, прядь волос скользнула по обнаженному плечу.

— Тебе не нравится наша жизнь?

— «Не нравится» — не совсем то слово, — он бережно накрыл её ладонь своей. — И я сейчас не про нас с тобой. Я про всё человечество в целом. Про мир, в котором мы заперты.

— В высокие материи полез, — в голосе Анны послышалась легкая, беззлобная усмешка. Она подперла подбородок кулаком, глядя на него с тем вниманием, с каким смотрят на любимого, но слегка не от мира сего ребенка. — Я, конечно, не профессор и многого не пойму, но мне все равно интересно. Выкладывай.

Лебедь помедлил, подбирая слова, как детали сложного механизма.

— Хорошо. Только учти, я не жалею. Я просто пытаюсь разобраться... С чего же начать?

— С начала, — она ободряюще улыбнулась, и в этой улыбке было столько земного, настоящего тепла, что его сомнения на миг показались кощунством.

— Ну хорошо. Тебе не кажется, что вся наша жизнь — ненастоящая? Словно нам её искусственно навязали, упаковали в красивую обертку, а внутри — фальшь? Будто мы играем в декорациях, которые кто-то расставил до нашего рождения.

Она залилась звонким, искренним смехом.

— Конечно, ненастоящая! — она картинно всплеснула руками. — Я по всем законам жанра должна во дворце блистать, в шелках и бриллиантах, а сама тут с тобой прозябаю!

— Зая, я же серьезно! — Лебедь досадливо фыркнул, но тут же одернул себя, вновь облачаясь в броню суровости. — Ты разве не чувствуешь, что всё вокруг предрешено? Будто ты зажата в тиски, в невидимые рамки. Что любые твои искренние порывы, честные начинания тут же обрубаются кем-то более властным, и ты стоишь перед этой махиной совершенно безоружная. Что нет никакой справедливости, а есть только тирания, которая дышит в затылок.

Анна не выдержала. Её лицо озарилось лукавой вспышкой, и она всплеснула руками:

— Так и есть! Ты удивительно точно описал наши взаимоотношения. Самокритика тебе к лицу, дорогой. Я — бедная, несчастная женщина, вынужденная делить кров с тираном и деспотом, который мне и шагу ступить не дает без своего высочайшего одобрения!

Анна опять звонко рассмеялась, и этот смех, как брызги чистой воды, на мгновение разогнал густой туман его философии.

— Не получится у нас с тобой серьезного разговора, — Лебедь потяжелел лицом, в голосе проскользнула горечь обманутого в своих ожиданиях пророка. — Ну и ладно. Всё это вздор.

Он уже отодвинул стул, собираясь встать, но Анна мгновенно рванулась вперед. Её тонкие пальцы крепко обхватили его запястье, удерживая, заставляя опуститься обратно. Смех исчез, оставив лишь мягкое, понимающее эхо в глазах.

— Милый, прости. Я знаю, что для тебя это важно, просто... не удержалась, — она виновато прикусила губу. — Пожалуйста, выговорись. Иначе так и будешь ходить весь день, бурчать себе под нос. Я же вижу, как тебе не хватает этих «взрослых» бесед. Профессора нет рядом, и это тебя гложет, выедаёт изнутри. Расскажи мне. Обещаю: буду слушать, не перебивая и без тени улыбки.

Лебедь открыл было рот, чтобы возразить, съязвить в ответ, но, встретив её теплый, терпеливый взгляд, сдулся, как проколотый мяч. Он медленно опустился на стул. Тишина вернула серьёзность. Анна замерла напротив, превратившись в слух, а Лебедь долго смотрел в окно, где за стеклом по небу медленно плыли свинцовые тучи, прежде чем снова заговорить.

— Вот смотри, — начал Лебедь, подавшись вперед. — Чем, по-твоему, домашний скот отличается от диких зверей?

Он пытливо взглянул на Анну. Она не спешила с ответом — лишь едва заметно кивнула, давая ему знак самому распутывать этот узел. Она знала: сейчас ему не нужен собеседник, ему нужен слушатель, который позволит мысли выкристаллизироваться. Если потребуется, она вставит свои «три копейки» позже.

— Диких зверей контролирует природа, суровая и честная, — продолжал он, и голос его стал глубже. — А домашний скот — человек. Тот, кто выращивает его исключительно для эксплуатации в своих интересах. Хозяину нужны ресурсы: молоко, яйца, шерсть — он их берет. А передумал — пустил всё стадо под нож. И он в своем праве, ведь он их для этого и породил.

Лебедь замолчал на мгновение, выводя пальцем невидимые рисунки на скатерти.

— Получается странная вещь: при рождении мы все равны. И люди, и звери — все мы подсудны только законам природы. Но как только мы начинаем контролировать чье-то рождение, мы получаем власть над тем, кого породили. Природа властна над нами, а мы — над скотом.

Лебедь сделал паузу, убедился, что Анна внимательно слушает, и продолжил.

— По праву рождения... — он выделил это интонацией, — принято считать, что все люди равны между собой и только природа вольна решать, кого и какими талантами одарить. Это мы называем справедливостью.

Анна хранила молчание, внимательно изучая его лицо. Лебедь, не дождавшись возражений, развил мысль:

— Если мы равны, то и мир принадлежит нам в равной степени. Каждый имеет право на свой клочок земли, на место под солнцем. Каждый волен селиться, где пожелает, и брать от природы ровно столько, сколько ему нужно, не наступая на пятки другому. Для этого нам дана совесть. А если совесть у кого-то подкачала, в дело вступает справедливость, призванная урезонить бессовестного. Для этого ведь мы выбираем правителей? Для этого пишем законы?

— Ну да, — негромко согласилась Анна, подливая ему остывший чай.

— Люди сами выбирают тех, кто ими верховодит. Сами пишут правила игры. Не инопланетяне же это за нас делают?

— Конечно, — подтвердила она.

— Тогда возникает вопрос, — голос Лебеда стал сухим. — Как так получилось, что наши законы совершенно далеки от справедливости? Ведь если все равны, то какое право имеет один человек эксплуатировать другого? Какое право у него забирать чужое время, чужую жизнь, чужую волю?

— Никакого, — тихо отозвалась Анна, и в этой короткой реплике уже не было и тени прежнего озорства.

— Вот именно. Но эксплуатация почему-то узаконена. Как так вышло? Непонятно. Ладно, нам вечно талдычат про «темное прошлое», хотя тоже не ясно, с какой стати оно было таким беспросветным, если все люди изначально равны в своих правах. Ну да бог с ним, с прошлым. Но вот сейчас — он обвел рукой, захватывая и кухню, и невидимые стены их мира. — Нам рассказывают, что государство — это высшая и самая справедливая форма правления. Что никогда еще в истории человечество не знало такого благоденствия.

Лебедь горько усмехнулся.

— И я не жалею, нет. Мы действительно живем довольно неплохо. Тепло, сытно. Но ведь нам просто не с чем сравнивать. Нам тыкают в лицо призраками прошлых войн и репрес-

сий, как пугалом, мол, смотрите, могло быть хуже. Но разве войны и репрессии исчезли? Людей как перемалывали в жерновах, так и продолжают уничтожать, только теперь — под звуки торжественных гимнов и шелест красивых отчетов. Скажи мне, Ань, разве это — справедливость?

— Нет, — выдохнула она.

— Нам продают землю и ресурсы, — Лебедь горько усмехнулся, и в его глазах блеснул холодный огонек. — И я в упор не понимаю, как можно продавать то, что тебе изначально не принадлежит. Если по праву рождения всё вокруг общее, и каждый имеет право на свой кусочек мира, который он в силах облагородить и содержать — не за счет чужого горба, а за счет своих личных возможностей, — то почему мы вообще должны за это кому-то платить? Это наше по праву. Мы живем на этой земле, возделываем её и никому не можем быть за это должны. Иначе это не справедливость, а оброк.

— Так да, — тихо подтвердила Анна, внимательно следя за его жестикуляцией.

— Почему кому-то разрешается хапать у природы больше, чем он способен потребить лично? — он подался вперед, чеканя каждое слово. — Почему один забирает в собственность целые озера, выпиливает леса, выгребает под чистую все грибы и ягоды, а остальные должны ему за это еще и приплачивать? Разве это справедливо?

— Нет.

— Нам указывают, что можно делать, а что нет. Диктуют, что можно говорить, а про что нужно молчать. Мы не вольны ни в словах, ни в своих действиях, — Лебедь тяжело выдохнул, словно ему не хватало воздуха в пространстве кухни. — Разве это свобода? Разве это справедливость?

— Нет, — повторила Анна, и её голос прозвучал как эхо, окончательно признающее правоту его мрачных выводов.

— С нас взимают непонятные налоги, вводят неясные акцизы, облагают всевозможными штрафами, — голос Лебеда стал жестким, почти металлическим. — Нас обирают инфляцией, обкрадывают курсами валют, а стоимость нашего труда регулируется не нами, трудящимися, а хозяином. В чем тут справедливость, Ань?

— Не знаю, — она смотрела на него, и в её взгляде сквозила беспомощность.

— Так вот и я не знаю. И не понимаю, как это вообще могло получиться: в мире, где на каждом углу трубят о свободе, о ценности человеческой жизни, где критикуют рабство, насилие и войны, мы продолжаем существовать в рабских условиях по блажи своего хозяина. Захотят — кинут нам кость, захотят — задушат вирусами, испепелят в войнах или сгноят в тюрьмах. Как так выходит, что при всей нашей образованности, толерантности и технологиях мы продолжаем жить, по сути, как скот на ферме? И чья, черт возьми, это ферма?

Анна вздохнула и накрыла его кулак своей ладонью, пытаясь унять его внутреннюю дрожь.

— Милый, это всё, конечно, правильно ты говоришь... Но разве мы можем что-то изменить? Об этом думать — только лишний раз расстраиваться.

— Да, — отрезал Лебедь, — но если об этом не думать, то уж точно ничего не изменится. И нет никаких гарантий, что если сегодня нам щедро насыпали в кормушку, то завтра нас не прирежут для чьих-то нужд.

Глава 8

Они лежали в полумраке студии, погруженные в сумерки, которые лишь едва рассеивал ночник. На потолке застыли неподвижные созвездия; цветные туманности — багровые, лазурные и изумрудные — отбрасывали на их тела призрачные блики. Лебедь любовался наготой Анны. Его рука медленно скользила по привычному пути вдоль изгиба её позвоночника к самому основанию бедер, замирала на ягодицах, а затем возвращалась, чтобы перебирать рассыпанное по плечам золото волос. Он зажимал пряди между пальцами, превращая их в подобие мягкой кисти, и неспешно ласкал ими её лопатки, словно нанося невидимый узор на шелк её кожи.

— Расскажи мне историю, — попросила Анна. — Ты же знаешь, как я сладко засыпаю под твой голос.

Лебедь не отрывал взгляда от её из

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.